и делать это охотно. Именем Богословца надписан совет: «Не издьрьци глас, с роптанием дая, якоже мнози творять, дающе не бодро, ни испытаи просящаго — или достоин взятья или ни» (стр. 75). Димостен напоминает: «Достоино есть миловати не тех, иже суть насилници и въсхыщають, но иже бес правды оубожишася» (стр. 83—84). Больше того, афоризм того же автора призывает помочь и «лукавому», т. е., с церковной точки зрения, грешнику: «Некиим жалующимся на нь, занеже по лукавем на судище попираше, и отвеща: праведнии бо поборника не требують» (стр. 84). Сочувствием преступнику, осужденному на казнь, проникнут следующий рассказ Виаса: «Виас, судья сыи, осуди повинънаго смертью и прослезися, и некому рекъшю: что, сам осужая, плачеши? Он же отвеща, яко нужьно есть естьству милованье въдати, а закону службу» (стр. 84). Еще отчетливее эта мысль о сочувствии даже преступнику звучит в рассказе, который в русском переводе надписан именем Епиктита, а в греческом оригинале — именами Демокрита, Исократа и Епиктета: «Разбойник некыи утапаше в мори и наг выбреде к брегу. Исократ же, видев й зимою умирающа, и оде й, и обу й, и пищу дав ему, и отпусти й. И поносим же бысть от некого, зане незнаемаго разбойника снабде. И отвеща: не аки человека разбойника почестих, но человечьское естьство почьстих» (стр. 84—85). Итак, ценность человеческой личности провозглашается даже в применении к разбойнику. Но ведь и герою повести о Горе-Злочастии автор сочувствует не потому, что он нарушил родительские заветы, пьянствовал, а потому, что и в этом «грешнике» он видит «человеческое естество». Демократическая литература XVII в. широко применила именно такой призыв к сочувствию и помощи «убогым», независимо от того, отвечает ли их поведение нормативному идеалу христианской этики.

Мысли о ценности самого человека, независимо от его положения в обществе, богатства, успехов, постоянно звучат в наставлениях учительной литературы о качествах истинного друга, который особенно ценен в дни «печали», «беды», «напасти»: «Есть бо друг в время радости и не пребудеть в день печали твоея... и есть друг тряпезам обьштьник и не пребудеть в дьнь скърби ти». Эти наставления русский читатель нашел уже в Изборнике 1076 г. (стр. 327—328). И в Пчеле среди других изречений, характеризующих истинного друга, читаем обобщенное суждение Мосхиона: «Того мни друга, иже тебе любить, а не яже окрест тебе» (стр. 67). Соответствующие этим изречениям народные пословицы вместе с демократической литературой XVII в. подчеркивают мысль о ценности самой человеческой личности, а не того, что «окрест» ее.

Рассуждения учительной литературы о богатых и бедных также не ограничиваются религиозной мотивировкой требования — богатые обязаны помогать бедным. Характерное для демократической литературы XVII в. осуждение богатых, угнетающих бедных, сочувствие неимущим и бесправным перед судиями и вообще властями явно созвучно афоризмам, с горькой иронией подчеркивающим разное отношение к богатому и бедному не только людей, но даже и закона. Уже автор «Слова» Даниила Заточника усвоил библейское (из книги Иисуса Сираха) противопоставление восприятия речей богатого и бедного и разное отношение к проступкам того и другого (см. выше, стр. 20—21). Пчела еще резче выразила словами Зелевка разницу в отношении закона к «убогому простому» и к «богатому или силному», уподобляя закон «паучине», в которой «муха или комар увязнеть», а «бчела или шершень вылетають» (см. выше, стр. 20). Начиная с Изборника 1076 г. русский читатель усвоил горькие советы Сираха: «не свари ся с человекъмъ сильнъмь», «с судиею»